

Глубокий, бархатистый баритон заставил Чжао Баи вздрогнуть. Вскинув голову, он едва не ткнул штанами прямо в лицо подошедшему — благо вовремя успел отдернуть руку. Он торопливо вскочил, путаясь в собственных ногах, козырнул и, запинаясь, произнес:

— Т-товарищ помощник командира отделения... Что-то случилось?

Юань Бинхуа был первой тайной любовью Чжао Баи с тех самых пор, как тот попал в Четвёртое отделение. Остальные здешние парни его воображение не будоражили: одни вымахали здоровыми и квадратными, как бугаи, другие ходили тощие, будто сухие стебли сельдерея, а третьи и вовсе точно с жабой побратались — все лица в прыщах. Сами они, конечно, деликатно списывали это на превратности переходного возраста, но сути дела это не меняло. На их фоне Бинхуа казался прекрасным лебедем, по недоразумению угодившим в утиный загон — настолько он выделялся.

Видя его растерянность, Юань Бинхуа добродушно рассмеялся. Он дружески похлопал Чжао Баи по плечу:

— Да брось ты этого «помощника». Все мы тут новобранцы из одного отделения, а лычки — дело десятое. На плацу еще ладно, субординацию надо соблюдать, но зачем в казарме-то чиниться? Зови просто по имени — Юань Бинхуа. Ну или, раз ты помладше, можешь звать меня братом Хуа.

Глядя в лицо улыбающемуся красавцу, Чжао Баи окончательно поплыл. До чего же у того был потрясающий голос! Низкий, бархатистый, обволакивающий. Если мягкий голос Ван Ана напоминал изящные переливы скрипки, то у Юань Бинхуа это был густой рокот бас-гитары, от вибрации которого сладко ныло где-то в груди.

— Хорошо, брат Хуа...

Чжао Баи и сам был парнем рослым, не хлипким, однако сложением обладал более изящным и тонкокостным. Рядом с широким в плечах, жилистым и поджарым Бинхуа он неизбежно казался хрупким, а уж его робкий, смущенный вид лишь сильнее подчеркивал мощь и стать собеседника.

— Что, порвал штаны и не знаешь, как заштопать? — поинтересовался Бинхуа.

— Ну... да, — Чжао Баи неловко хмыкнул.

Изнеженный домашним бытом Чжао Баи с детства привык просто выбрасывать испорченные вещи и к иголке с ниткой даже не прикасался.

— У меня в тумбочке есть швейный набор, давай помогу.

С этими словами Юань Бинхуа отложил свои ведомости, подошел к шкафчику и достал походный несессер. Вернувшись, он забрал у парня штаны, устроился прямо на его койке и принялся ловко орудовать иглой. Его пальцы двигались так быстро и уверенно, что Чжао Баи лишь замороженно хлопал глазами.

Говорят, домашнее рукоделие красит женщину, но в руках помощника командира отделения иглолка смотрелась на удивление... мужественно и чертовски привлекательно! Не зря твердят, что мужчина за работой прекрасен. Это чистая правда, чистейшая!

Чжао Баи так и застыл истуканом, откровенно пялясь на него, пока Бинхуа не окликнул его во второй раз.

— Чего ты там замер? Присаживайся, поболтаем. А то шить в тишине скучновато, — с улыбкой позвал Бинхуа.

Чжао Баи только этого и ждал. Он тут же плюхнулся на край матраса, однако сел на приличном расстоянии, не смея придвинуться ближе. Заметив эту преувеличенную осторожность, Бинхуа хмыкнул:

— Ты чего как неродной? Боишься, что я тебя съем, как тигр в лесу?

— А?

— Ну и чего отсел так далеко? Разговаривать же неудобно.

— А? Ой, сейчас...

Как послушный теленок, Чжао Баи придвинулся ближе, а в душе у него в этот момент запели соловьи и распустились самые прекрасные цветы.

— С такой дистанцией ты с ротным скоро через плац разговаривать будешь, — отшутился Бинхуа.

До Чжао Баи не сразу дошел смысл шутки, но когда он понял, то густо покраснел. Смущенно почесав затылок, он придвинулся еще на пару сантиметров. Он замороженно следил за тем, как блестящая игла мелькает между длинными, изящными пальцами помощника командира отделения. В груди шевельнулась глупая, уколотившая сердце ревность к этой серебристой щепке.

"Вот бы эти пальцы... прошлись по моему телу..."

От этой мысли Чжао Баи бросило в жар.

— Что-то ты совсем красный. Не заболел часом?

Мысленный призыв сработал незамедлительно. Большая ладонь Бинхуа легла на лоб Чжао Баи. Но реакция последнего превзошла все ожидания: парень подскочил как ошпаренный и с глухим стуком приложился затылком об железный каркас верхней койки. От неожиданности Бинхуа дернулся, и острая игла глубоко вошла ему в палец.

Шипя от боли, Чжао Баи зажал ушибленную макушку, но стоило ему заметить выступившую на пальце Бинхуа алую капельку крови, как он напрочь позабыл о собственном лбе. В панике схватив помощника командира отделения за руку, он запричитал:

— Ой, прости, пожалуйста! Брат Хуа, прости, я не хотел, я случайно!

И, не думая о приличиях, Чжао Баи инстинктивно припал губами к ранке. Он бережно обхватил пострадавший палец и слизнул выступившую кровь. Лишь мгновение спустя до него дошло, какую несусветную глупость он только что совершил. Отпрянув, он торопливо выпустил чужую ладонь и, заливаясь краской до ушей, принялся бессвязно лепетать:

— Б-брат Хуа... я... это... прости! Просто... просто мне мама в детстве всегда говорила, что слюна... ну, что она помогает ранкам заживать...

<http://bllate.org/book/18247/1752560>